

проживавших в Российской Федерации. Сравним: в Калининградской обл. их насчитывалось 57,2 тыс. чел., в Ленинграде – 47 тыс. чел., в Москве – 34,4 тыс. чел [1, с. 300–301; 3, с. 24–27].

Но с сер. 1960-х гг. в связи со снижением темпов развития лесозаготовительной промышленности Карелии и снижением уровня жизни многие белорусы стали возвращаться на родину. Их численность стала неуклонно сокращаться:

в 1970 г. она составляла 66,4 тыс. чел (9,3% населения республики),
в 1979–59,4 тыс (8,1%),
в 1989–55,5 тыс (7,0%),
в 2002–37,7 тыс (5,3%),
в 2010–23,3 тыс (3,8%).

По данным этносоциологического исследования 1979 года, каждый седьмой опрошенный белорус родился и вырос в Карелии, более половины их являлись первопоселенцами и проживали в Карелии свыше 20 лет и почти каждый четвертый из них жил здесь от 10 до 20 лет [1, с. 300–301].

Обобщая вышесказанное, отметим, что наиболее интенсивно процессы переселения белорусов в Карелию происходили в 40–60 гг. XX в., что позволяет раздеть их по трем наиболее важным этапам: первый – 1940–1944 гг.; второй – 1946–1950 гг.; третий – 1951–1960 гг.

В 2015 г. был разработан научно-исследовательский проект командой российских и белорусских ученых, в рамках которого продолжена работа по изучению проблем интеграции белорусов в российское общество и развитию этнокультурных процессов, направленных на взаимообогащение и диалог во всех сферах жизни. Диалог культур и традиций обогащает связи России и Беларуси, создает предпосылки для более глубокого понимания между народами, между новыми поколениями молодёжи обоих государств.

Литература и источники

1. Бирин, В.Н. Этнодемографическая ситуация в Республике Карелия // Карелия. Энциклопедия: в 3 т. – Т.3. – Петрозаводск, 2011. – С. 300–301.
2. Устная история в Карелии: Вып. IV. Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–1950-е гг. – Петрозаводск, 2008.
3. Вавулинская, Л.И. Демографическая ситуация и переселение в Карело-Финскую ССР (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Историческая демография. – 2011. – № 2 (8). – С. 24–27.

ДИАЛОГ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Каравкин В. И. (Витебск, Беларусь)

Обстоятельный анализ диалогического общения дали мыслители XX века Г.-Г. Гадамер, М. Бубер и М.М. Бахтин. Г.-Г. Гадамер фиксирует внимание на том, что диалог начинается с общения, существует в общении, в нем являет свой универсализм и уникальность. Простейшей, элементарной

This document has been
edited with Infix PDF Editor
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

«клеткой» общения является речевая коммуникация – разговор. Анализируя сущностные особенности речевой коммуникации Г.-Г. Гадамер приходит к выводу: «Реальность человеческой коммуникации в том, собственно, и состоит, что диалог – это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений. В разговоре оба они преобразуются. Диалог только тогда можно считать состоявшимся, когда вступившие в него уже не могут остановиться на разногласии, с которого их разговор начался» [1, с. 48]. Диалог имеет определенную структуру, которая может быть представлена цепочкой чередующихся вопросов и ответов. Это означает, о чем бы люди ни говорили, они либо вопрошают, либо дают ответы на вопросы. Диалогический вопрос всегда потенциально содержит в себе ответ, предполагает ответ. Он может быть разным по содержанию, порой, диаметрально противоположным тому, о чем думает вопрошающий, но всегда имманентно присутствует в вопросе. В свою очередь, ответ мотивирует следующий вопрос, так как содержит в себе новое неизвестное. Цепочка вопросно-ответных связей в диалоге не прерывается. Более того, и внутренний духовный мир человека имеет диалогический характер: мы сами себе задаем вопросы и даем ответы на них. То, что принято называть разговором с самим собой является, по сути, диалогом с воображаемыми оппонентами. Вместе с тем, для того, чтобы вопрос приводил к ответу, он должен быть понят. Невозможно отвечать на то, чего не понять. Понимание не только порождает диалог, но и одновременно зарождается в диалоге. «Таким образом, – делает вывод Г.-Г. Гадамер, – процесс обмена вопросно-ответными репликами обнаруживает структуру, лежащую в основе человеческого общения, фундаментальную структуру диалога. Этот феномен составляет суть человеческого понимания» [1, с. 130].

М. Бубер считает, что диалог не ограничивается общением, а в общении выражается, представляя собой отношение человека к человеку. Диалог детерминирован внутренней духовной направленностью. Два (условно, дело не в количестве) человека, прежде чем вступить в диалогическое взаимное общение, должны быть обращены друг к другу, должны воспринимать друг друга. Философ выделяет три способа восприятия: наблюдение, созерцание и проникновение. Первые два имеют эстетический характер. В наибольшей степени наблюдение и созерцание присуще художникам. При эстетическом восприятии тот, кого воспринимают, остается отдаленным от личной жизни воспринимающего, остается противостоящим предметом, который не является судьбоносным для него. Проникновение является таким способом восприятия другого, при котором, он, другой, обращен к личности воспринимающего, взывает к ней, требует ответа. «Границы возможности диалога – это границы проникновения» [2, с. 101].

М.М. Бахтин, работая над проблемами эстетики словесного творчества, приходит к выводу о диалогической сущности человеческой жизнедеятельности в целом, что с необходимостью должно сказываться и на специфике ее познания, и на особенностях ее духовного выражения в

художественной литературе. Относительно гуманитарного познания, М.М. Бахтин отличает его от естественнонаучного: «Точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [3, с. 383]. Обратим внимание на близость точки зрения М.М. Бахтина идеям М. Бубера. Когда воспринимающему, в случае, который рассматривает М.М. Бахтин, познающему, противостоит предмет, «безгласная вещь», диалога не существует. Но человек не может быть предметом, вещью, он, фигурально выражаясь, «глашатай», он обладает такой же способностью высказываться, даром голоса, как и воспринимающий-познающий. Диалог обретает онтологический статус. Возникает сфера понимания, когда друг с другом встречаются два субъекта.

Отталкиваясь от представленного тремя разными мыслителями XX века диалоговедения, дадим анализ воздействия диалога на его участников.

Каждый человек обладает привитыми в процессе воспитания и образования установками, стереотипами, ценностными ориентациями, паттернами поведения, максимами, принципами, нормами и пр., что можно обозначить гадамеровским понятием «исторического горизонта». При диалогической направленности отношений, в буберовском истолковании – при взаимном проникновенном восприятии, возникают субъектно-субъектные контакты взаимопонимания, согласно бахтинской логике. Это приводит к тому, что субъекты, во-первых, обретают актуальность, во-вторых, изменяются.

Обрести актуальность означает оказаться в современном мире – здесь и сейчас – таким, каковым являешься по исконной сути своей, во всей полноте экзистенциальных потребностей, чувств, эмоций, представлений, мыслей. Обрести актуальность означает утвердить себя, раскрыться, явить в мир свою личность. Обрести актуальность означает быть понятым. Происходит это в процессе диалогического общения, которое всегда есть взаимное порождение и, в этом смысле, становление мира духовной человеческой реальности. Реальность оказывается такой, каким является общение. Реальность создается участниками диалога. Диалог полифоничен, его можно представить дуэтом, трио, квартетом, хором, когда разные по тембру голоса создают полноту мелодии. Понимающим проникновением в индивидуально-личностное диалог, в то же время, актуализирует самобытное. Когда исполнителя песни слушают, она звучит, возникает атмосфера, созданная ее содержанием, ее мелодией, ее художественным пафосом. Не услышанное пение можно уподобить птичьему гомону. В современном цивилизованном мире высоких технологий пространство не является преградой для диалогического взаимодействия. Например, мелодии, звучащие в телеэфире

или Интернете, способны находить отклик в сердцах слушателей, обретая актуальность. Для диалога не является преградой и время. Обращаясь к наследию прошлого, современники актуализируют его, превращая в часть своего духовного мира.

Обретая актуальность, далее, субъекты диалога изменяются. Это означает, что в процессе диалога происходит взаимная корректировка стереотипов и установок, норм и паттернов, убеждений и принципов. Однако о диалоге можно говорить только тогда, когда изменения происходят не насильственным путем, т.е. сохраняется личностная целостность, которая и актуализируется в процессе диалогического общения. Легко понять, как изменяется современник, приобщаясь к наследию прошлого. Но изменяются и авторы прошлого, проникая в духовный мир современников. Сохраняя значение слов, произнесенных ими, современники с неизбежностью меняют их смысл.

Насколько реальна актуализация, настолько неизбежна трансформация. В этом суть диалога – сохраняя изменять. Но в этом же суть самой жизни.

Диалогу противостоит монолог, под которым, на наш взгляд, следует понимать утверждение любыми способами, включая и насильственные, единообразия. М. Бубер, в данной связи, различал три вида диалога: подлинный, технический и замаскированный под диалог монолог. Подлинный диалог возникает только тогда, когда между людьми устанавливается «живое взаимоотношение» [2, с. 108]. Технический или формальный диалог вызван к жизни необходимостью взаимного общения, душевно и духовно далеких друг от друга людей. В том случае, когда, вступая во взаимное общение, остаются полностью погруженными в себя, говорят с другими, но слышат только себя, следует фиксировать «замаскированный под диалог монолог». «Диалогическое существование, – пишет мыслитель, – обретает даже в крайнем одиночестве глубокое, придающее ему силы предчувствие взаимности; монологическое – даже в нежнейшем общении не выходит за пределы своей самости» [2, с. 109].

Таким образом, в процессе диалога усиливается личностное начало вместе с осознанием себя частью сообщества, в котором живешь, так как именно оно способствует раскрытию самобытности. Диалог возможен там и тогда, где и когда друг на друга не похожие личности содействуют становлению взаимной душевно-сердечной близости и формированию духовной творческо-созидательной активности.

Литература и источники

1. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991.
2. Бубер, М. Два образа веры. – М., 1995.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.

